

10/1-88

В. Г.
Острополевский

«Я непростительно редко говорил, что люблю его...»

Недавно исполнилось 60 лет со дня рождения народного артиста ТАССР В. Г. Остропольского.

Он проработал на сцене Казанского Большого драматического театра имени В. И. Качалова всего 13 лет. Амплитуда сыгранных им ролей колебалась от Петра Адуева в «Обыкновенной истории» И. Гончарова, Крутицкого в пьесе А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», Луначарского в драме М. Шатрова «Большевики» до ролей характерных, гротесковых: Илико в комедии Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», Пунтилы в «Господине Пунтиле и его слуге Матти» Б. Брехта, Корзухина в булгаковском «Беге».

Остропольский был не просто талантливым артистом. Он обладал удивительным обаянием, душевной щедростью, неравнодушием. Об этих качествах актера вспоминает бывший главный режиссер БДТ имени В. И. Качалова В. Портнов.

— У нас на курсах есть один... Вадим Остропольский. Пожалуй, только его я и побаиваюсь. Это особый талант, у него редкое сочетание глубочайших знаний, памяти и ума.
— Умней тебя?
— Умней.
...Этот диалог происходил много лет назад. Мы шли с режиссером Арсением Сагальчиком после репетиции по московским улицам в общежитие Высших режиссерских курсов. Я был убежден, что Арсений — лидер на курсе. Кроме того, будучи человеком очень одаренным, он был достаточно самолюбив, и для меня явилось неожиданностью, что он так легко уступил лидерство какому-то Остропольскому.

— Откуда он, этот Остропольский?
— Из Казани. Актер.
— Актер?
— Да. Только он — режиссер.
Я представил себе режиссера-актера Остропольского. Воображение дорисовало его облик: костюм-тройка, белая рубашка, галстук...
Пришли в общежитие. За столом в центре комнаты сидел плотный мужчина в очках. Остальное я тут же дофантазировал: пронзительный взгляд, холодная, чуть снисходительная вежливость: «Здравствуйте». Он встал и, чуть прихрамывая, пошел к своей кровати.
Потом, через много лет, я пойму, что это была не «снисходительная вежли-

вость», а природный такт: уйти, не помешать, не смутить...
Хуже нет, когда у тебя в спектакле в качестве актера репетирует режиссер. Да еще и умный. Это, как правило, скептик. Ничто так не разрушает творческий процесс, как скепсис. И когда через много лет мне предложили работать в Большом драматическом театре имени В. И. Качалова, сразу же вспомнилось: «Это там, где Остропольский».
На первую репетицию драмы И. Дворецкого «Проводы» я шел, как боксер на ринг. Остропольский был назначен на роль Плинера. Он сидел молча, и опять, как тогда, в Москве, я увидел, почувствовал его «снисходи-

тельную вежливость». Закончился разбор пьесы. И вдруг Остропольский спрашивает: «Это что у вас, такой метод?» Ну, думаю, началось...
— Да! Метод! — Я был в боксерской стойке.
К следующей репетиции готовился тщательно, всю ночь моделировал возможные диалоги с Остропольским... И зря. Я готовился к бою, а Вадим Остропольский готовился к репетиции. И, как выяснилось позже, очень волновался за меня. Он хотел, чтобы у меня получилось. И не потому, что именно я ему понравился, дело в том, что театру был нужен режиссер. К стыду своему, я не сообразил это сразу. Остропольского не нужно было бояться, он любого встречал с надеждой, и, если надежда оправдывалась, режиссеру воздавалось сторицей.
Сагальчик был прав: Остропольский — лидер. Он был мудрый человек с тончайшей душевной организацией. И еще — прекрасный педагог. Я ощутил это на второй, самой главной репетиции, которая и определила всю мою дальнейшую судьбу в качаловском театре, и не только в нем. В театре вообще. Он освободил, укрепостил меня одному ему ведомым способом. Я до сих пор не знаю, как Вадим Григорьевич это сделал. Он репетировал так, что актеры (и это были не какие-нибудь мальчишки, а такие асы, как Кузин, Кешнер, Федотов) были убеждены, что лидер — я.
Помню, как в первый раз пришел в театральное училище на курс, который вел

Остропольский. Волновался жутко. Что-то косноязычно говорил. От этого еще больше волновался. И вдруг увидел: Остропольский снял очки и слушает меня так, как слушают музыку. Вгляделся в лица его учеников и понял, что Вадим Григорьевич Остропольский рассказал им обо мне нечто такое, что теперь мне не нужно ничего доказывать, надо просто быть самим собой.
...А когда Остропольский снимал очки, то становился похож на ребенка, нежного и ранимого.
Он азартно дурачился, азартно работал, азартно любил тех, кого любил. И не любил, кстати, тоже азартно. Для Вадима Григорьевича были очень серьезными понятия чести и порядочности. Его присутствие дисциплинировало окружающих. И еще: Остропольский был напрочь лишен важности и чванства.
В Оренбурге на гастролях мы репетировали «Старомодную комедию». Стояла сильная жара. Мы приходили с пляжа в прохладный зал и работали босиком. Остропольский замечательно шутил, репетиции шли легко. Весь груз основной работы с актрисой он взял на свои плечи, они приходили на репетицию с разработанными сценами, и мы сделали спектакль за 12 дней. Сейчас я понимаю, что действительно режиссером того спектакля был он, а не я. Но тогда мне казалось, что это я так легко работаю. Каждый вечер засыпал с единственным желанием, чтобы поскорее наступило утро и я мог продолжить репетиции. Это ощущение счастья мне подарил Остропольский.

Он был щедрый мастер. Возможно, я путаю хронологию и мелкие детали, но из осколков памяти складывается одно слово: нежность. Он был нежен.
Однажды просыпаюсь утром в своей квартире от голоса Остропольского. Он делает внушение моей жене: «Посмотри, у него же язва, он целый день на работе, не успевает даже пообедать. Не пришел днем домой — неси обед в театр!». Его хватало и на это.
...Когда человек уходит, мы спохватываемся. И, как в детстве, просим, чтобы свершилось чудо: пусть он услышит! Я непростительно редко говорил Вадиму Григорьевичу, что люблю его.
С годами все казавшееся некогда малозначительным воспринимается по-иному. Теперь можно сказать, что у Остропольского не было малых и больших поступков. Были поступки перед лицом неминуемой смерти. Мы часто живем так, будто бессмертны. Остропольский жил сразу «набело». Он был трагичен и умел сострадать.
...Когда я последний раз вглядывался в его лицо на гражданской панихиде, мне было трудно что-либо сказать. Я не видел его глаз. Они были закрыты.
В. ПОРТНОВ.
Главный режиссер Московского драматического театра на Малой Бронной.
...
На снимке: В. Остропольский в роли Луначарского в спектакле «Большевики» М. Шатрова.
Фото Ю. Федотова.